

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ПРОБЛЕМЫ КИТАЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ЗАСАЯНСКОМ КРАЕ

В. Г. Дацышен¹

Аннотация: Статья посвящена проблемам китайской экспансии в Туве и прилегающем к ней Усинскому району Енисейской губернии в период между началом революции в России и до оформления Тувинской республики в первой половине 1920-х гг. В статье показаны как военно-политическая составляющая китайской экспансии, так и проблемы трудовой и торгово-ростовщической миграции китайцев.

Ключевые слова: Тува, Сибирь, революция и гражданская война в России, китайская экспансия, китайские мигранты.

PROBLEMS OF CHINESE EXPANSION IN ZASAYAN² REGION

V. G. Datsyshen

Abstract: This paper is referred to the Chinese expansion problems in Tuva republic and adjoined Usinsk district of Yenisei province in the period between the beginning of the Russian revolution and organization of Tuva republic in the beginning of 1920s. This article shows the military-political component of the Chinese expansion and labor, trade and usury problems of the Chinese migration.

Keywords: Tuva, Siberia, revolution and civil war in Russia, Chinese expansion, Chinese migrants.

---

¹ Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3781-dacyshen.html

² The territory which is situated to the south of Sayan mountains.

Тема китайской экспансии в Сибири относится к числу одной из самых популярных на протяжении уже более ста лет. В последние два десятилетия, как и в начале прошлого века, эта проблема обычно связывается с китайской трудовой миграцией и торгово-ростовщической деятельностью выходцев из Китая.

Говоря о китайской миграции в Туве в первой половине XX в., необходимо сразу отметить региональную специфику, которая определяется тем фактом, что формально этот регион в то время не входил в состав России. Более того, до 1911 г. Танну-Тува вообще была частью Китайской империи, а с 1921 г. — самостоятельной, формально независимой республикой.

Несмотря на то, что Тува входила в состав Китайской империи, а затем была отдельным от России государством, китайская миграция там практически не отличалась там от соседних регионов Сибири. Здесь необходимо оговориться, что китайскими мигрантами применительно для районов Центральной Азии и России правомерно называть лишь представителей национальности хань и разной степени окитаенных (воспринявших китайский язык и основы духовной и материальной культуры ханьцев) народностей Китая. В традициях китайской историографии китайскими мигрантами (хуацяо) принято называть всех выходцев с территории Китая (Чжунго), независимо от национальности, культуры и самосознания. А так как в китайской исторической науке принято считать, что до 1940-х гг. Тува формально была в составе Китайской республики, то понятие китайские мигранты в Туве в китайской культуре не может быть формализовано.

Как уже говорилось выше, до 1911 г. Тува находилась в составе Китайской империи, что и обусловило своеобразие китайской миграции. Но это отличие заключалось в том, что доступ китайцам в Туву, в отличие от соседних регионов России, был запрещен. Поэтому китайцы в Танну-Урянхае появились позже, чем, например, в Минусинске. И еще одним следствием вхождения Тувы в состав Китайской империи было полное изгнание китайцев из Тувы во время Синьхайской революции 1911-1912 гг. И китайские мигранты в 1912 г. выехали именно в соседние регионы Сибири, где китайские мигранты не преследовались.

Особый политико-правовой статус Тувы в начале XX века обусловил и то, что китайская экспансия была связана не только с китайской трудовой и торгово-ростовщической миграцией, как это было в соседних регионах Сибири, но и напрямую велась государством посредством армии и чиновничества.

В 1914 г. Танну-Тува была принята под протекторат Российской империи. И теперь российские власти придерживались неофициальной политики недопущения китайцев на территорию Тувы. При этом русские власти препятствовали как приезду китайцев через Монголию, так и завозу китайских рабочих русскими предпринимателями.

В августе 1916 г. китайский резидент в Урге Чэн Лу официальным сообщением просил правительство автономной Внешней Монголии допустить в Урянхайский край китайского чиновника с 50 солдатами. Разрешение на это было получено, но не реализовано из-за противодействия русских властей. Из Иркутска комиссару по делам Урянхайского края, за подписью генерал-гу-

бернатора и чиновника по дипломатической части в сентябре 1916 г. было направлено следующее предписание: «В связи с попытками китайцев послать в Урянхай своего чиновника с конвоем, я нахожу необходимым ни коим образом не допускать проникновения в названный Край китайцев... В виду сего, прошу Ваше Высочорodie принять строжайшие меры к запрещению русским подданным пользоваться китайскими рабочими и следить за точным исполнением распоряжения» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.25. Оп.11. Д.125. Л.25).

Ситуация изменилась после начала Великой Русской Революции. Российские государственные институты ослабли, и в это произошло в условиях роста русско-тувинских противоречий при ослаблении или «забывании» антикитайских настроений в тувинском обществе. Летом 1917 г. лама Дагданай с ведома самого влиятельного князя Даа-нойона Буян-Бадыргы ездил в Улясутай¹, где вступил в переговоры с китайскими властями на предмет принятия Даа-хошуна под китайское управление. В июне 1917 г. на Кемчик приехали китайские чиновники и коммерсанты (Урянхайский вопрос..., 1998). Таким образом, революция в России послужила сигналом для сепаратистских настроений среди тувинских чиновников, которые совпали с экспансионистскими устремлениями властей Китайской Республики.

В июне 1918 г. в расположенный на границе с Тувой монгольский Улангом, приехала китайская делегация. В июле китайцы проникли в Хемчикский район, но начальник милиции Я. И. Мальцев предложил китайской делегации во главе с Мэн Цюем в трехдневный срок покинуть Чаадан, что и было исполне-

но. Не желая вступать в открытый конфликт с русскими властями, китайские представители сделали ставку на торговцев. С ноября 1918 г. в Туву стали проникать китайские купцы. Появление китайцев, представлявших старые торговые фирмы, работавшие до 1912 г. в этом регионе, создавало крайне конфликтную ситуацию. Корреспондент газеты «Свободная Сибирь» сообщал из Тувы: «...долги у кредиторов-китайцев тщательно переводились из книги в книгу; пострадавшие купцы точно так же тщательно соблюдали сведения об участниках разграбления их товарных складов» (Свободная Сибирь, 1919). Проблема защиты интересов торговцев явилась основанием для появления китайских оккупационных сил в Урянхайском крае. В феврале 1919 г. отряд во главе с Ян Шичао занял русский пост на Хандагайты.

Еще летом 1918 г. русский консул в Улясутае А. А. Вальтер телеграфировал: «Общее положение Урянхае становится серьезнее. Мои прежние донесения и т. д. относительно притеснительных действий китайцев оправданы телеграфными сообщениями нашего комиссара в этой области...» (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.1800. Оп.2. Д.347. Л.13). Красноярская газета «Свободная Сибирь» под рубрикой «Вести из Урянхая» сообщала: «Итак, возможно, что грозит опасность протекторату России в Урянхайском крае; сулит бедствия русскому населению замыслы Китая и Монголии. Но до сих пор из Омска нет определенных указаний, нет военной помощи... жаль терять от родины новый кусок, и притом такой богатый...» (Свободная Сибирь, 1919).

В марте 1919 г. китайский отряд перешел через хребет Танну-Ола и расположился двумя группами в районе Верхне-Чаадан-

ского хуре и около Шагонара на Енисее. Ян Шичао в письме комиссару Временного правительства А. А. Турчанинову сообщил, что в ответ на просьбу купцов китайское правительство командировало отряд для оказания покровительства китайским торговцам в Урянхае. Затем китайские войска появились на Хемчике, но в марте 1919 г. с монголо-китайско-урянхайский отряд потерпел поражение в столкновении с русским отрядом. Был даже как минимум один пленный китаец, отправленные в Минусинск. Обострившаяся летом 1919 г. гражданская война между белыми и красными в Южной Сибири позволила китайским войскам удержаться в Туве, а затем и укрепить свои позиции.

К концу гражданской в Сибири четко обозначилось враждебное отношение китайцев по отношению к русскому населению, причем независимо от политических убеждений. Вообще, китайцы считали русское население иностранцами на правах иностранцев на территории Китая, в начале марта 1920 г. уполномоченный Ян Шичао объявил русскому населению о своем покровительстве. Он писал: «Если русские, живущие в Урянхае, будут миром жить, хотя ныне у вас здесь нет консула, все равно я буду их принимать как иностранцев в Китае. Только потом будет особенное правило для них о плате земли и других содержаниях» (Рукописный фонд Тувинского института гуманитарных исследований (РФ ТИГИ). Ф.42. Папка 3). Враждебность китайских купцов к русским в Туве в 1920 г. отмечали современники. Ф. Осендовский, посетивший китайский торговый поселок в восточной части Тувы, писал: «Китайские купцы глядели на нас враждебно, но, тем не менее, предлагали на выбор разные товары...» (Осен-

довский, 1994: 96). 2 марта Ян Шичао писал о том, что слышал о факте женитьбы китайского офицера на русской, просил подробную информацию, обещал наказать офицера. Лишь традиционный менталитет и стереотип поведения китайца, а также реалии жизни китайских торговцев в окружении враждебных им кочевников, не позволяли перерасти этой враждебности в полномасштабное противостояние. Однако в данный период имели место и значительные русско-китайские конфликты.

В марте 1920 г. вооруженный конфликт произошел в селе Верхне-Усинском Енисейской губернии. 9 марта 1920 г. Усинский волостной Совет выдал «удостоверение» «Китайскому подданному С. Ванзере, приказчику торговой фирмы Хы-ха-и — в том, что Волостным Советом отобран от Ванзера опознанный жителем села Усинского Порфирием Ивановым Ведерниковым конь...» (Минусинский государственный городской архив (Минусинский городской архив (МГА). Ф.61. Оп.1. Д.14. Л.68). Китайский торговец не согласился с данным решением местной власти, обосновав свои действия «русским обычным правом». 20 марта этот китаец — Сергей Ванзер, в сопровождении двух соплеменников приехал в Совет и потребовал вернуть коня. Китайцы соглашались отдать коня бывшему хозяину лишь при наличии решения по этому поводу от китайских или монгольских властей. После некоторых колебаний местные русские власти оставили свое решение в силе. В тот же день, через два часа, китайцы вернулись с оружием, один из них без всякого предупреждений выстрелил в упор в председателя Совета А. Цепелева и убил его наповал. Еще одного члена Совета — секретаря П. Г. Бакулина — китайцы связали и

увезли в Туву. Третьего присутствующего они не тронули, а уехали, бросив в селе свой товар.

Данная развязка конфликтной ситуации явно была неожиданной, не имелось серьезных предпосылок к подобной трагедии. Возможно, это была провокация, устроенная китайским военным командованием, искавшим повод для более активных действий на российских границах. Действия китайских торговцев могли диктоваться желанием отомстить за «прошлые обиды» и запугать русское население в приграничных районах Сибири. Возможно так китайские торговцы «открывали» себе южную границу Сибири для свободной торговли, так как усинцы без разрешения вышестоящих властей не пускали китайских торговцев на север. Об этом говорит следующий пример: когда в Усинский волостной Совет обратился китайский подданный с вопросом о провозе мануфактуры через Усинское в Минусинский уезд, местное начальство 4 февраля 1920 г. запросило Минусинск — «дозволен ли таковой» (МГА. Ф.61. Оп.1. Д.14. Л.57). Несомненно, свою роль здесь сыграла общая эмоциональная напряженность, возникшая в ситуации сложнейших социальных и межнациональных противоречий.

Русско-китайский конфликт в Верхне-Усинском не имел «серьезных последствий» для дальнейшего хода событий. Местное русское общество не поддалось на провокацию, а скорее просто вынуждено было смириться. На общем собрании «Усинских граждан» было принято решение избрать делегатов для посылки в штаб китайского оккупационного отряда на переговоры. При этом усинцы решили еще и вернуть китайскому купцу-убийце коня, из-за которого и произошел конфликт. Очевидно,

большого предпринять местные власти и общество в тот период не могли, Красная армия не готова была к вооруженному конфликту с китайцами. В мае 1920 г. в Туве состоялась встреча специально командированного туда из Красноярска комиссара А. И. Кашникова с китайским и монгольским командирами. Переговоры оказались безуспешными, отряд Кашникова был отозван в Минусинск. Дальнейшие попытки дипломатически уладить конфликтную ситуацию в регионе, также успеха не имели. Новому уполномоченному Сибревкома И. Г. Сафьянову также не удалось добиться вывода оккупационных сил, в своем докладе в сентябре 1920 г. он отмечал: «Китайский комиссар заявил, что его полномочия очень скромные, что он не может вести никаких переговоров и ограничивает свое влияние одним Кемчикским районом, защищая и там лишь интересы своих купцов...» (ГАКК. Ф.Р-49. Оп.1. Д.23. Л.2).

Осенью 1920 г. китайские оккупационные войска начали открытые военные действия против русского ополчения. Китайцы расстреляли председателя Атамановского сельсовета. Оккупанты захватили двух русских крестьян-дозорщиков и после пыток казнили, кроме того, китайские солдаты изрубили шесть крестьян-обозников. В конце октября в местечке Оттук-Даш произошел бой, китайцы напали на прибывший для переговоров красный отряд во главе с И. Г. Сафьяновым.

Китайские войска, а вместе с ними и китайские торговцы были изгнаны из Тувы лишь через год, в марте 1921 г. Произошло это благодаря активным действиям тувинских партизан, поддерживавших русскую Советскую власть. Перелом в настроениях на-

ступил на «Съезде представителей русско-сайотского населения и властей Урянхая» в марте 1921 г. Уже на нем было отмечено, что «начальник китайского отряда Линджан», препятствовавший возвращению русских беженцев на Хемчик, «не пользуется доверием» у тувинцев (Государственный архив Новосибирской области (Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р-1. Оп.2. Д.55). В марте 1921 г. тувинские партизаны разгромили китайский отряд в Даг-Ужу около Шагонара и разбили китайский отряд в долине Чаадана. К концу гражданской войны в Южной Сибири, местное население, в том числе и тувинцы, окончательно обозначили свое отрицательное отношение к китайскому присутствию в регионе. В секретном Информационно-политическом письме №1 Сибревкома и Сиббюро РКП(б) губкомам Сибири осенью 1921 г. сообщалось: «Урянхайский край, примыкающий к нашей границе / Енисейская губерния / и входящий до сих пор в состав Монголии / а тем самым и Китая /... Населяющие этот край сойоты относятся антогонистически к монголам /и китайцам/, рассматривая их как пришельцев завоевателей» (ГАКК. Ф.П-1. Оп.1. Д.110. Л.6-7).

Изгнание китайских оккупационных сил не привело к полному вытеснению китайцев из региона. В докладе заведующего Енисейским Губернским статистическим бюро за 1921 г. говорилось: «Население Кемчикского района состоит из двух категорий: туземного — сойотов (урянхов) и пришлого. Преимущественно русских. Правда, помимо русских имеются корейцы и единичные китайцы, которые не играют особенной роли» (ГАКК. Ф.Р-1299. Оп.1. Д.171. Л.12об.). Уже в начале 1922 г. с китайских торговцев

тувинские власти собирали пошлины. При этом китайцы активно использовали русско-тувинские противоречия для обеспечения своих интересов. 7 апреля 1922 г. заместитель председателя исполкома РСТК Нелидов писал в адрес правительства Тувы: «До нас дошли сведения, что Уполномоченный Вашего Правительства Санджи, выезжая для сбора пошлин с Китайских торговцев, встретил в М.–Енисейском районе от Представителей Самоуправляющейся Русской Колонии грубое препятствие в проведении своей работы» (ГАКК. Ф.П-7. Оп.1. Д.523. Л.11).

Вскоре китайцы заняли почти монопольное положение в тувинской торговле. Специалисты в начале 1923 г. писали: «Урянхайский район (самостоятельный от Монголии, но граничит с ней). Из жизни этого района наиболее интересным является тот факт, что китайцы, ушедшие было отсюда в связи с занятием Урги русскими, вновь пришли на старые места и на этот раз не только распространились по всему краю, но проникают даже в приграничный русский район, скупая пушнину и золото» (Борецкий, 1923). В официальных документах того времени говорится: «Из протоколов экономического совещания при Крайисполкоме РТСК в Урянхае от июля и августа с.г. совершенно ясно видно, что нам в настоящее время приходится выдерживать натиск китайского капитала... Для нас борьба с ним тем более тяжела, что Урянхайско-Монгольская граница, которой пользуются китайцы, — совершенно открыта» (ГАКК. Ф.Р-49. Оп.1. Д.394. Л.9об.). В «Протоколе междуведомственного совещания О положении Усинского края» за 26 июня 1923 г. было записано: «Принимая во внимание, что вопрос об Усинском Крае тесно связан с вопросом

об Урянхае, где имеется до 13000 русского населения, закабаленного китайскими торговцами и различными Американскими фирмами в лице тех же китайских агентов...» (ГАКК. Ф.Р-49. Оп.1. Д.373. Л.1). Советское руководство опять столкнулось с проблемой, что китайские торговцы в Туве фактически представляли экспансионистские силы Китая. В Енисейском Губкоме РКП(б) отмечали: «Есть предположение, что среди многочисленных китайских торговцев в Урянхае, найдется значительный процент со специальными заданиями. Урянхайская история может принять затяжной характер, если только не будут приняты решительные меры посылкой туда свежих крепких людей» (ГАКК. Ф.П-1. Оп.1. Д.642. Л.180).

В начале 20-х гг. в Туве не повторилась история десятилетней давности, ликвидация китайского политического присутствия не привела к полному исчезновению китайцев в регионе. Китайское присутствие в данный период, как и прежде, вызвало сильнейшие антикитайские настроения в различных слоях местного общества. Однако, благодаря ряду обстоятельств, в начале 1920-х гг. китайцы не были полностью вытеснены из Тувы, а на долгое время заняли в регионе свою определенную нишу, связанную с их традиционной профессиональной деятельностью. Более того, новые власти нередко оказывали китайцам поддержку и защиту. Например, в 1923 г. партийные органы в Туве приняли решение о том, что имевшие место кражи у китайских фирм носят политический характер и должны нести за собой более строгую ответственность. Подобная политика обеспечила хотя и ограниченное, но постоянное присутствие китайцев в пределах Танну-Тувин-

ской Народной Республики. В Книге регистрации иностранных поданных 25 апреля 1923 г. было зарегистрировано 28 приехавших для торговли в Урянхае китайцев. Всего в 1923 г. было зарегистрировано 286 иностранцев, из которых более половины составили китайцы (Центральный государственный архив Республики Тува (ЦГАРТ). Ф.100. Оп.1. Д.59. Л.5). В 1926 г. в Туве было 53 китайских купца, что составляла более половины всех купцов в стране.

Период между революцией 1917 г. и окончанием послевоенного урегулирования с подписанием договора между ТНР и СССР в 1925 г. дает пример тесной связи китайской миграции с политической и экономической экспансией Китая в регионе. Специфика ситуации определялась особенностями исторического развития и геополитической ситуации в регионе, занимавшем буферное положение между Российской и Китайской империями. Победа Советской власти в Сибири в 1920 г. и образование в 1921 г. формально независимой Тувинской республики, под политическим покровительством РСФСР² создали условия для ликвидации опасности китайской экспансии в Засаянском крае и установления контроля над китайской миграцией в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Урянхайский вопрос может быть разрешен лишь путем мирных переговоров (1998). Документы Временного Сибирского и Российского правительств. 1918-1919 гг. // Исторический архив. №3.
Свободная Сибирь (1919). Газета. 12 января.
Осендовский, Ф. (1994) И звери и люди и боги. М.
Борецкий, В. (1923) Монгольская операция // Жизнь Сибири. №2-3.

¹ В городке Улясутае во времена Цинской империи была резиденция цзянцзюня (генерал-губернатора Внешней Монголии).

² В принятой на Всетувинском Хурале первой Конституции Республики Танну-Тува улус провозглашалась независимость Танну-Тува Улуса «в своих внутренних делах» и объявлялось, что в «международных отношениях республика выступает под покровительством Советской России».